

2025, № 05 (май)

Раздел 5.8. Педагогика

ART 251088

DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11088

УДК 372.893

Коммеморативное поле исторической памяти молодежи Commemorative Field of Historical Memory of Youth

Автор статьи

Воробьева Наталия Владимировна,
доктор исторических наук, профессор кафедры тамо-
женного дела и права ФГБОУ ВО «Омский государ-
ственный университет путей сообщения», г. Омск,
Российская Федерация
nvor0biova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3499-4635

Author of the article

Natalia V. Vorobyova,
Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of
Customs and Law, Omsk State Transport University,
Omsk, Russian Federation
nvor0biova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3499-4635

Конфликт интересов

Конфликт интересов не указан

Conflict of interest statement

Conflict of interest is not declared

Для цитирования

Воробьева Н. В. Коммеморативное поле историче-
ской памяти молодежи // Научно-методический элек-
тронный журнал «Концепт». – 2025. – № 05. – С. 177–
195. – URL: <https://e-koncept.ru/2025/251088.htm> –
DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11088

For citation

N. V. Vorobyova, Commemorative Field of Historical
Memory of Youth // Scientific-methodological electronic
journal "Koncept". – 2025. – No. 05. – P. 177–195. – URL:
<https://e-koncept.ru/2025/251088.htm> – DOI:
10.24412/2304-120X-2025-11088

Поступила в редакцию <i>Received</i>	02.03.25	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	03.04.25
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	03.04.25	Опубликована <i>Published</i>	31.05.25

Аннотация

Актуальность исследования вызвана необходимостью корректировки базисных элементов исторического сознания обучающихся в рамках реализации Приказа Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27.02.2023 № 208 (изменение УК-10 «Гражданская позиция» в 101 Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования). Одной из задач государственной политики – противодействие фальсификации истории – является сохранение исторической памяти, сбережение исторического опыта, формирование традиционных духовно-нравственных ценностей у обучающихся. Распространение деструктивной идеологии способствует в том числе искажению исторической правды, разрушению исторической памяти. Цель статьи заключается в анализе наиболее значимых и востребованных обучающейся молодежью исторических символов и ключевых событий истории России; выявлении особенностей интерпретации этапов отечественной истории в рамках семейной исторической памяти; исследовании специфики актуализации и интерпретации семейного прошлого, выявлении основных источников и механизмов передачи семейной истории. В статье представлены результаты лонгитюдного исследования исторической памяти обучающейся молодежи. Экспериментальной базой исследования стали Омский автобронетанковый инженерный институт, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омский государственный университет путей сообщения. С 2009 по 2025 год в исследовании приняли участие 5443 студента омских вузов. В рамках исследования был осуществлен дескриптивный анализ восприятия ключевых этапов и значимых событий российской истории, проведена серия неструктурированных интервью методом семантической дифференциации. Авторами зафиксированы особенности формирования исторической памяти у обучающихся, принимавших участие в боевых действиях. Наиболее важными этапами исторического процесса обучающиеся воспринимают те, которые стали важной частью личного или семейного опыта и являются травматичными: участие в добровольных или насильственных переселениях, войны и военные конфликты, техногенные катастрофы. Теоретической значимостью проведенного исследования является концептуализация семейной памяти как ресурса противодействия экстремистским воззрениям. Авторы пришли к выводу, что необходима системная работа по развитию исторической памяти на основе семьи как коммеморативного поля, формирования архива устной и визуальной семейной истории в целях противопоставления семейных традиционных духовно-нравственных ценностей информационным агрессивным потокам, искажающим смысловую и оценочную часть исторической памяти. Именно это определяет практическую значимость работы.

Ключевые слова

коммеморативная социологизация и инкультурация, идентичность, историческая память, историческая память молодежи

Благодарности

Автор выражает благодарность педагогическому коллективу кафедры таможенного дела и права Омского государственного университета путей сообщения, руководству и курсантам Омского автобронетанкового инженерного института.

Abstract

The relevance of the study is caused by the need to adjust the basic elements of students' historical awareness in the framework of the implementation of the Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated February 27, 2023 No. 208 (amendment to UC-10 "Civic Position" in the 101 Federal State Educational Standard of Higher Education). One of the tasks of government policy to counter the falsification of history is to preserve historical memory, save historical experience, and form traditional spiritual and moral values among students. The dissemination of destructive ideology contributes, among other things, to the distortion of historical truth, the destruction of historical memory. The aim of the article is to analyze the most significant and demanded by young people historical symbols and key events in the history of Russia; to identify the specific features of interpreting the stages of national history within the framework of family historical memory; to study the specifics of updating and interpreting the family past, identifying the main sources and mechanisms to pass on family history. The article presents the results of a longitudinal study of the historical memory of young people. The Omsk Armored Engineering Institute, the Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, and the Omsk State Transport University served as the experimental base for the study. 5443 students of Omsk universities took part in the study in the period from 2009 to 2025. The study included a descriptive analysis of key stages and significant events perception in Russian history and a series of unstructured interviews with the use of the semantic differentiation method. The author recorded the characteristics of historical memory formation in students who took part in military operations. Students perceive as the most important stages of the historical process those that have become an important part of personal or family experience and are traumatic ones: participation in voluntary or forced displacements, wars and military conflicts, man-made disasters. The theoretical significance of the study lies in the conceptualization of family memory as a resource for countering extremist views. The authors came to the conclusion that systematic work is needed to develop historical memory based on the family as a commemorative field, to form an archive of oral and visual family history in order to contrast traditional family spiritual and moral values with aggressive information flows that distort the semantic and evaluative part of historical memory. It is this that determines the practical significance of the work.

Key words

commemorative sociologization and enculturation, identity, historical memory, historical memory of youth

Acknowledgements

The author expresses her gratitude to the faculty of the Department of Customs and Law at the Omsk State Transport University, and to the administration and cadets of the Omsk Armored Engineering Institute.

Введение / Introduction

Противодействие проявлениям экстремизма в России – один из важнейших приоритетов в сфере обеспечения национальной безопасности. Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 128-ФЗ включил в Уголовный кодекс Российской Федерации статью 354.1 «Реабилитация нацизма», которая призвана предотвратить распространение нацистской идеологии на территории Российской Федерации [1]. Конституционной основой противодействия деструктивной идеологии является часть 3 статьи 67.1, которая гласит: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [2].

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» деятельность публично-правовых образований, организаций и лиц, содействующая распространению деструктивной идеологии, представляет объективную угрозу национальным интересам Российской Федерации [3].

С 1 сентября 2023 года в 101-м Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования формулировка универсальной компетенции 10 «способен формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению» изменена на основании Приказа Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27.02.2023 № 208 и излагается следующим образом: «способен формировать нетерпимое отношение к проявлениям экстремизма, терроризма, коррупционному поведению и противодействовать им в профессиональной деятельности» [4].

В Указе Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» в числе основных направлений государственной политики в сфере противодействия экстремизму указаны мероприятия в области образования и государственной молодежной политики, в том числе издание учебно-методических материалов, направленных на воспитание культуры межнационального (межэтнического) и межконфессионального общения, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, на формирование у детей и молодежи на всех этапах образовательного процесса общероссийской гражданской идентичности; введение в образовательную деятельность в целях патриотического воспитания подростков и молодежи единого курса истории России, объективно освещающего и оценивающего наиболее значимые события, связанные со становлением и развитием нашей страны как государства, а также раскрывающего внешние и внутренние угрозы существованию России в разные исторические периоды [5].

Таким образом, формирование научно-теоретической составляющей исторического сознания молодежи с учетом поколенческих особенностей в ходе преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла, использование педагогических практик для развития и углубления исторической памяти являются актуальными и приоритетными задачами образовательного процесса.

Следует отметить, что серьезный отпечаток на мировоззрение молодежи накладывает падение уровня ее исторических знаний и сужение культурного кругозора. В молодежных коммуникативных средах наблюдается тенденция к примитивизации языка и упрощению сознания, которое становится невосприимчивым к более или менее сложным концептуальным построениям и, наоборот, проявляет повышенную

восприимчивость к абстрактному схематизму и «имитирующей рациональности» западного либерального дискурса.

Цель исследования – изучение своеобразия исторических символов и исторической памяти обучающихся как базового основания гражданской идентичности, выявление особенностей коммеморативных практик, установление специфики восприятия исторических символов и исторического наследия.

Реализация поставленной цели осуществлялась посредством анализа наиболее значимых и востребованных обучающейся молодежью исторических символов и ключевых событий отечественной истории; установление особенностей их интерпретации в рамках семейной исторической памяти; была проанализирована специфика актуализации и интерпретации семейного прошлого, выявлены основные источники знания и механизмы передачи семейной истории.

Обзор литературы / Literature review

Проблемам исторической памяти посвящен значительный массив исследовательской литературы. Зарубежные исследователи полагают, что исследование исторического сознания непосредственно связано с конструированием политики памяти. Формирование исторического сознания выражает идеологическую составляющую, воспроизводящую национальную идентичность.

Исследования исторической памяти (memory studies, «коммеморации», «места памяти») заняли особое место в социальных и гуманитарных науках, приобретая академический статус в последние десятилетия XX века; в настоящее время они являются плодотворной междисциплинарной областью исследований.

Феномен коллективной памяти впервые был описан французским социологом Морисом Хальбваксом [6]. Он пришел к выводу о том, что воспроизводимые в качестве социального опыта воспоминания не всегда являются воспоминаниями отдельных людей, а в первую очередь формируются на основе коллективного опыта восприятия исторических явлений [7]. Коллективные воспоминания коммуникативны, существуют вне индивидов и периодически реконструируются социальными группами. Пьер Нора рассматривал теорию Хальбвакса как механизм создания единой исторической основы национальной идентичности и предположил, что государство может создавать «места памяти», где «воспоминания кристаллизуются и передаются от одного поколения к другому» [8].

Начиная с 1980-х годов происходит поворот к осознанному примирению с «жестоким прошлым авторитарных режимов» и универсализация концепта «права человека», которые Сэмюэл Мойн назвал «последней утопией» [9]. Появление указанного концепта как глобальной парадигмы стало очевидным обоснованием легитимизации войн, оккупации и прочих немирных средств решения геополитических споров. В монографии американских ученых Эрика Лангенбахера (факультет государственного управления Джорджтаунского университета) и Йоси Шайна (Йельский университет) «Власть и прошлое: коллективная память и международные отношения» утверждается, что коллективная память является мощным и значимым институтом международной политики, а следовательно, и деятельным ресурсом «мягкой силы» [10]. Дискурсы исторической памяти выстраиваются как реконструкция структур идентичности (государственной, национальной, религиозной). Устанавливаются своеобразные семиотические тотемы, посредством которых группы связывают себя друг с другом, а

исследования памяти направлены на то, чтобы выяснить, как и почему сообщества помнят и забывают определенные исторические события.

По словам известной немецкой исследовательницы исторической памяти Алеиды Ассман, политической целью мемориальной политики должно стать преодоление «асимметрии памяти» (ситуации, в которой возможность написания истории остается исключительно у победителей, в то время как побежденные обладают неофициальной и субверсированной памятью) [11].

Появление исследований памяти было тесно связано с темой насилия. Как отмечает Энн Ригни, «существует тесная историческая связь между появлением этой области и зверствами, которые отметили недавнюю историю» [12]. Поэтому была создана область исследований, которая тяготела к исследованию коллективного наследия, – научная школа *trauma studies*. В указанном направлении ключевым понятием становится историческая память жертвы трагических событий. По мнению итальянского историка Энцо Траверсо, фигура «жертвы» связана с размытием памяти о революциях и протестных движениях (антифашизме, антиколониализме и других) [13]. Для западного научного истеблишмента указанное понятие трактуется как «жертва тоталитарного режима», намеренно искажается исторический контекст, и мы наблюдаем вымарывание, отрицание и отмену советской и российской истории.

В национальном дискурсе создается священное пространство для создания чувства патриотического резонанса. Помимо создания чувства общности, места памяти сохраняют социальное наследие исторических периодов коллективной травмы (война, оккупация, терроризм, геноцид), память о такого рода событиях отмечается созданием «священных пространств» для последующих поколений. В данном контексте историческое сознание пересекается не только с политикой памяти, но и с политикой «травмы», по утверждению Марианны Хирш в работе «Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста» [14].

Джейми Рейнджер и Уилл Рейнджер (Оксфордский университет) в статье «К резонансной теории политики памяти» отмечают, что современные дебаты о политической идентичности и культурном наследии продолжают основываться на коллективной памяти и, по сути, превращаются в форму политического участия. «Места памяти» становятся методом переосмысления идентичности [15].

Научный сотрудник Обсерватории электоральной психологии Лондонской школы экономики Сандра Обрадович в статье «Социальная психология контекста и в контексте: понимание временных, пространственных и воплощенных измерений современной геополитики» утверждает, что политические нарративы в значительной степени влияют и на коммеморативные практики, и на коллективную память [16]. Мемориалы («места памяти», посвященные наиболее значимым событиям, в большей степени связанным с военной историей) влияют на политическое восприятие и историческую память, которые лежат в основе геополитического взаимодействия с историческими событиями. Восприятие и память о войне и/или борьбе за независимость в разных странах относятся к конкретным условиям в каждой стране и влиянию, которое война оказала на каждую из них, что в каждом случае приводит к спорам о внутренней легитимности и идентичности.

Приведем несколько показательных примеров. В статье Н. Гончаренко «Трансформация исторических нарративов Второй мировой войны и декоммунизация политики памяти в Украине», опубликованной в австралийском научном журнале

Australian Journal of Politics & History, автор ставит цель демифологизировать и деколонизировать исторический нарратив об итогах Второй мировой войны в контексте парадигмы «декоммунизации государственной политики памяти в Украине», то есть в контексте современной украинской политической идеологии [17]. Автор не только оспаривает итоги Второй мировой войны, что является нарушением норм международного права [18], но и обвиняет российских историков в ангажированности и ненаучности подходов. Подобная позиция в целом преобладает в западном научно-педагогическом поле. Политические элиты пытаются использовать историческую память в качестве оружия идентичности с целью устранения коллективной памяти и «перепрограммирования» молодого поколения. В авторитетном американском издании Foreign Affairs Magazine, издаваемом Советом по международным отношениям США, Фиона Хилл и Анджела Стент в статье «Мир, которого хочет Путин: как искажения прошлого питают заблуждения о будущем» пришли к выводу, что российский президент «украл историю Украины» [19].

Память о войне становится, таким образом, «войной памяти», войной противоположных коммеморативных дискурсов. В 2023 году был осуществлен совместный проект ТАСС (А. Кондрашов) и АО «Крибрум» (И. Ашманов) при участии Института наследия и современного общества РГГУ, в рамках которого были исследованы закономерности в распространении информации, содержащей признаки фальсификации периода Великой Отечественной войны, формирования представления о России или СССР как об агрессоре, оккупанте и колонизаторе, обвинений в геноциде по отношению к народам бывшего СССР и народам зарубежных стран. Для дискредитации победы Советского Союза над нацизмом авторы фальсификаций в первую очередь атаковали память об Иосифе Сталине, командовании Красной армией, простых солдатах. Намеренно идеализировались ложные понятия о «лучшей жизни» в случае проигрыша СССР в Великой Отечественной войне [20]. Р. Ю. Батищев в статье «Память о войнах и “войны памяти” в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы» утверждает, что государственные военные коммеморации могут рассматриваться в рамках определенной внешнеполитической стратегии государства как инструмент «мягкой силы», что активно использовалось в официальном государственном военном нарративе советского периода, но до сих пор оспаривается со стороны транснациональных акторов, а также со стороны некоторой части гражданского общества [21].

Деструктивное информационное влияние оказывает существенное влияние на искажение и мифологизацию исторической памяти, серьезный отпечаток на мировоззрение молодежи накладывает также падение уровня ее исторических знаний и сужение культурного кругозора. В молодежных коммуникативных средах наблюдается тенденция к примитивизации языка и упрощению сознания, которое становится невосприимчивым к более или менее сложным концептуальным построениям и, наоборот, проявляет повышенную восприимчивость к абстрактному схематизму и «имитирующей рациональности» западного либерального дискурса.

В качестве примера приведем итоги социологического опроса ВЦИОМ за 2001 год «Россияне об Отечественной войне» 1991–2001», в котором 57% готовы к установлению памятников всем павшим с обеих сторон во Второй мировой войне, как советским воинам, так и с противоположной стороны [22].

Как указывает М. К. Горшков, по последним социологическим опросам выявлена удручающая закономерность: «Исторические компетенции снижаются по мере

смены поколений. Указанный процесс происходит едва ли не во всех странах» [23]. Снижение исторических компетенций обнаружено и среди российской молодежи, что отчетливо коррелируется с переходом от советской школы к постсоветской, основанной на принципе предоставления образовательных услуг.

Историческая память, установки гордости за свою страну, а также формирующее их символическое пространство – все эти феномены образной эмоциональности в высокой степени зависимы от информационного поля, которое в эпоху цифровизации становится все более разнообразным. Важным фактором эрозии этих установок могут являться публикации зарубежных СМИ, направленные на дестабилизацию символического пространства и разрушение чувства исторической гордости россиян.

Историческая память концептуального выстраивается социальными институтами государства посредством коммеморативных практик социально значимого прошлого. Все это вызывает необходимость переосмысления гуманитарных компонентов образовательных программ в школах и вузах, нахождения новых подходов и методов воспитательной работы, проведения «политики памяти». В. А. Тишковым и Ю. П. Шабаетовым историческая память оценивается как часть культурного капитала и «политика памяти», ориентированная на воспитание историей, в рамках которой формируется патриотическое сознание граждан России [24].

Прослеживается высокий уровень современных угроз, вызовов и рискогенности социокультурного пространства российского общества, которые, согласно проведенным эмпирическим исследованиям А. Ю. Зубок и В. И. Чупрова, связаны с «разрушением памятников культуры в городе или селе, где родился и вырос, с утратой исторической памяти, культурных традиций, нравственных норм среди окружающих тебя людей» [25].

Исследователь А. Г. Иванов отмечает, что непосредственный контакт с советской действительностью у «поколения X» (то есть тех, кто родился в 1974–1980 годы) происходил в лоне семьи и советское прошлое сопрягалось с семейной памятью [26]. Ученые А. В. Овчинников и А. А. Ибрагимова подчеркивают сходство между государственной и семейной социализациями в дискурсе исторической памяти: «В рамках самой семейной памяти эти “великие события” обычно воспринимаются в качестве потрясений, в свое время помешавших нормальному течению семейной жизни» [27].

В западной научной парадигме историческое сознание и историческая память исследуются в рамках *memory* и *trauma studies*, открывая индивидуальное как ответ отдельного человека на смерть и страдания, которые война порождает в огромных масштабах. С другой стороны, в России превалирует изучение исторической памяти в рамках парадигмы, связанной с практиками и ритуалами национальной идентификации, в исследовании символических и легитимных сценариев объединения граждан в коллективную национальную идентичность. Две оптики являются продуктом дисциплинарных разделений в области исследований памяти, между теми историками, на которых в основном влияла политология, международные отношения или социология, и теми, на кого влияла антропология, культурная критика или психоанализ.

В аналитическом докладе ВЦИОМ за февраль 2025 года «Три года СВО» отмечается рост гражданственности (с 67 до 81%) и патриотизма (с 80 до 92%) россиян за период с 2016 по 2024 год. Специальная военная операция скорее объединила россиян, и «расчет Запада на делегитимацию власти» не удался [28].

Указом Президента Российской Федерации от 2 ноября 2023 года был создан «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации» в целях сохранения и защиты российских духовно-нравственных ценностей,

культуры и исторической памяти, а также для реализации общественно значимых проектов и инициатив [29]. В числе основных задач, поставленных Президентом Российской Федерации Правительству Российской Федерации и Национальному центру защиты исторической памяти 15 января 2025 года, – создание архива с историями участников СВО (вместе с фондом «Защитники Отечества» и Ассоциацией ветеранов СВО [30]); создание музея с материалами проекта «Без сроков давности» (совместно с Российским военно-историческим обществом) [31].

Таким образом, исследование исторической памяти молодежи, анализ практик коммеморации, выявление особенностей исторического сознания являются актуальными не только с научно-педагогической точки зрения, они находятся в приоритетной сфере государственных интересов. Мы задались вопросом о возможности соотношения государственного и семейного уровней коммеморации в рамках одного исследования.

Методологическая база исследования / Methodological base of the research

Под понятием «коммеморативное поле» мы понимаем комплекс социокультурных и социополитических практик, связанных как с восприятием официальной политики памяти, так и с комплексом индивидуальных условий социализации и инкультурации.

Анализируя дискурсивные и символические аспекты исторических репрезентаций в национальном контексте, можно выявить удивительные сходства и провести параллели. Коммеморативные практики не столько служат зеркалом, отражающим прошлое, в котором институты, коллективы и отдельные лица сохраняют и могут точно передавать концептуализированную память, сколько представляют собой социальный процесс, формирующий культурные структуры, идеологические убеждения, маркеры класса, расы или пола, стратегические интересы, жизненный опыт и преобладающие модели исследований.

Практики коммеморации, на наш взгляд, недостаточно концептуализированы как в подходах, ориентированных на государство, так и в подходах, основанных на memory и trauma studies, в связи со сложностью в отношениях между различными акторами и репрезентативными полями: индивидуальной памяти, памяти в гражданском обществе и национальных коммеморативных практик, организованных государством. Личная историческая память конструируется посредством культурных практик, действующих на уровнях гражданского общества и государства.

С 2009 года нами проводится лонгитюдное исследование обучающихся омских высших учебных заведений, в котором за 15 лет приняло участие 5443 студента омских вузов (ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, ОмГУПС, ОмГПУ, ОмДС, ОАБИИ). В рамках исследования был проведен дескриптивный анализ восприятия ключевых этапов и значимых событий российской истории.

Методологические процедуры включали проведение экспертных интервью, формулировку гипотез, проведение фокус-групп, разработку анкеты (с открытыми, полужакрытыми и закрытыми вопросами, визуализация символов российской истории и культуры) и окончательную формулировку гипотез с опорой на предыдущие исследования, исходя из собранных данных – проведение кейсовых исследований.

На первом этапе проводился анкетный опрос, который включал закрытые вопросы, связанные с оцениванием респондентами значимости исторического опыта прошлых поколений, степени необходимости исторических знаний в формировании

гражданских компетенций, духовно-нравственных ценностей и патриотизма. Отдельный блок вопросов был посвящен определению источников исторических знаний и значению исторической памяти. Методы математической и статистической обработки результатов исследования (качественный и количественный анализ данных) использовались для конкретизации долевых элементов.

На втором этапе в рамках написания тематических эссе обучающиеся отвечали на вопросы о событиях гордости и стыда в отечественной истории. В связи с тем что наиболее значимым событием в проводимом нами исследовании с 2009 года является победа в Великой Отечественной войне, репрезентациям указанного события были посвящены несколько вопросов, рассматриваемых в фокус-группах (военного вуза и гражданских вузов): какие произведения известных писателей о Великой Отечественной войне Вы можете назвать? Назовите любимые художественные произведения (книги, фильмы, сериалы, подкасты) на историческую тематику. Назовите памятники героям в России. Назовите Героев Советского Союза, Героев России. Что значит для Вас слово «Родина» в контексте прошлого, настоящего и будущего?

Методом семантической дифференциации с 2021 года исследовалось визуальное восприятие обучающимися (в том числе иностранными курсантами) символов России. Визуальный контент был разделен на несколько составляющих, на основе которых респонденты отвечали на следующие вопросы: какой государственный деятель/деятель культуры и почему оказал большое влияние на развитие России в прошлом/настоящем? (представлены иллюстрации с портретами великих князей – святых Русской православной церкви: св. Владимира, Александра Невского, царя Ивана IV, императора Петра I, руководителей советского государства В. И. Ленина, И. В. Сталина, М. С. Горбачева, Президента РФ В. В. Путина и других, а также деятелей культуры). Какие «места памяти» (архитектурные объекты и памятники) могут быть символами России и почему? В иллюстрациях представлены: Красная площадь, памятник Воину-освободителю в Трептов-парке, Петергоф, монумент на Прохоровском поле, собор Василия Блаженного на Красной площади, фонтан «Дружба народов» на ВДНХ, мемориал на Мамаевом кургане, церковь Преображения Господня на острове Кижи, памятник павшим воинам, г. Ржев, комплекс «Москва-Сити». Какие народные традиции, промыслы и праздники Вы считаете наиболее отражающими традиционные ценности России? Нематериальное культурное наследие: Масленица, хоровод, свадебный обряд, кулачные бои, народные ремесла, народные игры, национальные праздники Сабантуй, Сурхарбан и пр. Какие воинские традиции являются наиболее значимыми в военной культуре России и почему? Кто из исторических личностей и почему является, на Ваш взгляд, наиболее спорной фигурой (в зависимости от политической позиции его могут считать как героем, так и антигероем) с точки зрения вклада в развитие России? Какие из нижеперечисленных событий/явлений являются, на Ваш взгляд, наиболее спорными (в зависимости от политической позиции их оценивают и как событие гордости, и как событие горечи/стыда)?

Помимо указанных этапов анкетирования и интервьюирования респондентам был задан вопрос о роли их собственной семьи в истории России (всего получены интервью 116 респондентов – курсантов ОАБИИ первого курса).

Результаты исследования / Research results

Трактовки и оценки курсантов военного вуза и студентов гражданского вуза существенно не различаются (часть общественного сознания, которая включает в себя

представления и память о прошлом; осознанное понимание современной ситуации РФ через призму истории всей России).

Следует обратить внимание на то, что формулировка «исторической» компетенции в Федеральном государственном образовательном стандарте изменилась. Требования ФГОС 3+ к историческим знаниям звучала как «способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции» (ОК-2), и, к сожалению, в новых ФГОС ВО поколения 3++ эта компетенция исчезла. На смену ей пришла универсальная компетенция: «способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах» (УК-5). Частично формирование, развитие и корректировка исторического сознания реализуются посредством компетенции УК-10 «Гражданская позиция» («способность формировать нетерпимое отношение к проявлениям экстремизма, терроризма, коррупционному поведению и противодействовать им в профессиональной деятельности»; см. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27.02.2023 № 208), одним из аспектов противодействия экстремистским воззрениям является защита исторической правды и дефальсификация истории.

Мы рассмотрели специфику исторического сознания через восприятие и оценку опыта старшего поколения. Большинство курсантов ответили, что «гордятся тем, что и сколько сделано старшим поколением в мирное и военное время для нашего Отечества» (84% опрошенных); второй по популярности ответ: «мне интересен опыт старших поколений, я стараюсь его познать и понять» (70%), «хотел бы учиться у старших любить нашу страну и служить ее благу» (37,5%), аналогичные вопросы были заданы студентам гражданского вуза – Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Ответы отличались: «не восторгаюсь старшим поколением и их делами: жили, как хотели», «разочарован в старшем поколении: создав великую страну, они позволили ее разрушить в период перестройки», «не принимаю опыта старших поколений и не хочу на него опираться».

Нынешнее поколение обучающихся (так называемое gen Z) – это дети поколения X, и восприятие перестройки опосредовано в большей степени семейной историей, рассказами родителей.

Большинство курсантов и студентов, ответы которых не отличаются, долевое соотношение соответственно 70, 55, 40%) интересуются историей, чтобы расширить кругозор (90,6% респондентов), понять корни своей страны и народа (62,5%), «приобщиться к культуре народа» (31,25%).

Источники получения знаний об истории и культуре России до начала периода обучения (см. таблицу):

Источники исторических знаний

<i>Российские обучающиеся</i>	<i>Иностранные военные специалисты, обучающиеся в Омском автобронетанковом инженерном институте</i>
Учебники, лекции – 81,25%	Рассказы родственников, друзей, знакомых – 65%
Интернет (лекции и подкасты) – 62%	Интернет и средства массовой информации – 35%
Семья (семейные архивы) – 61%	

Каким образом развитие современного общества влияет на сохранение исторической памяти, по мнению курсантов? 37,5% опрошенных курсантов и 30% студентов полагают, что в современном мире идет ущемление Западом прав России на Победу в Великой Отечественной войне, «отмена» российской культуры и истории. При этом значительная часть опрошенных (21,9% курсантов, 15% студентов) считает, что современный образ жизни не предполагает удерживать в сознании все, что было в истории нашей страны, и нести ответственность за происходящее в настоящем.

Более половины опрошенных студентов гражданского вуза настаивают на том, что каждый решает сам, что ему помнить и знать, историческая память, таким образом, становится нравственным выбором каждого человека.

Почти четверть опрошенных расценивает современный капитализм с негативных позиций, так как умышленно запускаются новые мировоззренческие модели с целью воспитания потребительского мышления, гражданской пассивности и конформизма (21,25% ОАБИИ, 25% ОмГУ, 37% ОмГУПС).

Историческое сознание формируется поэтапно, от семейного воспитания, школьных курсов истории и литературы, комплекса воспитательных мероприятий до личного участия в социально значимых событиях развития государства; можно отметить несколько важных составляющих элементов исторического сознания: как знания фактов истории Отечества, так и оценку тех или иных событий истории России.

Событием гордости с 2009 по 2024 год продолжает оставаться победа советского народа в Великой Отечественной войне (изменения наблюдаются лишь в доле в отношении, от 51% в 2009 году до 96% в 2024 году). В 2024 году курсанты ОАБИИ назвали в общей сложности 17 «событий гордости», преимущественно являющихся событиями военной истории: Ледовое побоище, победа русских войск на Куликовом поле, окончание Смутного времени в XVII столетии, Отечественная война 1812 года, победы русских войск под командованием А. В. Суворова против Османской империи, Русско-турецкая война 1872 года, Гражданская война, победа в Великой Отечественной войне, Афганская война, Вторая чеченская кампания, Сирийская кампания. Студенты ОмГУ и ОмГУПС назвали всего лишь шесть событий: победа в Великой Отечественной войне, победа в Отечественной войне 1812 года, а также освобождение от монголо-татарского ига, отмену крепостного права, первый полет человека в космос, разработку ядерного оружия.

В оценке вклада глав государств антигитлеровской коалиции роль И. В. Сталина обозначена респондентами как решающая (ОАБИИ – 90,6%, ОмГУПС – 74%, ОмГУ – 60%), У. Черчилля – как незначительная (62,5% курсантов ОАБИИ; 58% студентов ОмГУПС) и значительная (60% студентов ОмГУ), Ф. Д. Рузвельта соответственно как незначительная (53,12% курсантов ОАБИИ; 67% студентов ОмГУПС) и значительная (50% студентов ОмГУ).

Важнейшими факторами победы в Великой Отечественной войне были названы героизм на фронте и в тылу (84,4% курсантов, 80% студентов), патриотизм (78,12% курсантов, 75% студентов) и партизанское движение (53,12% курсантов, 60% студентов).

Формирование исторического сознания связано в том числе с репрезентацией образов исторических событий в художественной форме. К мнемоническим формам коммеморации относят исторические новеллы, медиа, кино, песни, музеи, маршруты экскурсий, путешествия и паломничества, выставки и экспозиции и многое другое.

В тройку личностей государственных деятелей, внесших наибольший вклад в историю страны, опрошенные курсанты включили И. В. Сталина – 60% (выдержки из

ответов респондентов в открытом опроснике: «Сталин очень быстро и стремительно развивал государство, тяжелую промышленность; Великий вождь; великий вождь, сыграл основополагающую роль для победы в Великой Отечественной войне; уничтожил фашистов; поднял страну из руин революционной войны и за 10 лет сделал то, что Запад делал 50–70 лет; радикальные меры, но при этом страна понимала, что без него не произошло бы изменений; укрепил Советскую власть, смог одолеть фашизм; укрепил советскую власть, победил фашизм; человек, благодаря которому русский народ, страна остались непобедимы, сохранили суверенитет; Великая Отечественная война, сталинские репрессии; великий полководец, благодаря его приказам и самоотверженности русских воинов мы смогли победить фашистскую нечисть»); Петра I – 56,25% («выиграл в Северной войне, Россия получила большой престиж, развитие флота, создание академии наук, реформирование армий; без его смекалки и планов на будущее в нашей стране многое бы не появилось; создал морской флот; окно в Европу, морской флот, кораблестроение, император; великий реформатор; начал строить флот, построил Санкт-Петербург, ввел большое количество реформ; ввел большое количество реформ, которые оказали большой толчок в развитии Российской империи, образовал морской флот, возвел Санкт-Петербург; великий император»); и Президента Российской Федерации В. В. Путина – 55% («поднял страну с колен; поднял страну из разрухи 90-х; масштабные изменения в стране, без него наша страна не вошла бы в тройку сильных и могущественных стран; восстановил Россию в период тяжелого кризиса; великий главнокомандующий, который поднял Россию с колен и удерживает ее величие по сей день; человек, поднявший страну с колен после Ельцина, вернул армии прежние времена и восстановил экономику» и пр.).

По мнению студентов гражданских вузов, тройка самых влиятельных государственных деятелей отечественной истории выглядит следующим образом: Петр I – 75% («преобразование и реформация России на европейский лад; реформирование государственной службы; одержал победу в Северной войне, прорубил окно в Европу; усилил роль России на международной арене»), а также М. В. Ломоносов, И. В. Сталин и В. В. Путин (по 45%). Самой спорной личностью в истории курсанты назвали М. С. Горбачева, студенты – И. В. Сталина.

Оценочный компонент предполагает также выявление «событий стыда», то есть таких событий, которые вызывают негативные оценочные реакции, связанные как с личным опытом, так и с усвоенными в процессе обучения.

Наиболее популярный ответ курсантов ОАБИИ: «таких событий нет» (40,6%), также упоминаются президентство Б. Н. Ельцина (10%), развал СССР (9,4%), продажа Аляски (6,3%), всего упомянуто восемь событий. Студенты назвали 12 событий, наиболее популярные ответы: «президентство Б. Н. Ельцина» (35%), развал СССР (20%), перестройка (15%).

В целом результаты опроса отражают динамику за последние 15 лет, когда указанный этап отечественной истории упоминался респондентами и имел значительное долевое соотношение (2009/2010 учебный год – 15%; 2011/2012 учебный год – 46%; 2018/2019 учебный год – 50%; 2023/2024 учебный год – 28%).

Самыми спорными историческими событиями названы курсантами ОАБИИ «сталинский период» в отечественной истории: «Россия вернулась на уровень довоенного развития и больше, но появился железный занавес; с одной стороны, во внешнеполитическом плане при Сталине страна вырвалась вперед, репрессии, ссылки,

жесткая цензура и давление на народ; одновременно и продуктивный для страны период и очень кровавый» (40% респондентов); реформы Петра I и крепостное право (по 25%). По мнению студентов, спорными событиями истории России являются «начало Специальной военной операции», сталинские репрессии (по 60%), а также подавление восстания декабристов (34%).

На вопрос: какие преобразования в отечественной истории, на Ваш взгляд, ускорили прогресс России, а какие не имели исторического значения или задержали ее развитие? – были получены следующие ответы: реформы Иоанна IV Грозного, по мнению курсантов, ускорили прогресс (40,6%), по мнению студентов, задержали развитие (30%); реформы Петра I Великого ускорили прогресс (87,5% курсантов ОАБИИ, 90% студентов); реформы Александра II Освободителя ускорили прогресс (55% студентов), имели неоднозначные последствия, и положительные, и отрицательные (43,75% курсантов ОАБИИ); Октябрьская революция 1917 года ускорила прогресс (65,62% курсантов ОАБИИ, 40% студентов); перестройка задержала развитие России (53% курсантов ОАБИИ, 45% студентов); реформы Б. Н. Ельцина задержали развитие (по 50% опрошенных и курсантов, и студентов); реформы В. В. Путина ускорили прогресс (87,5% курсантов, 45% студентов).

Специфика обыденного исторического знания обусловлена познавательными особенностями обыденного сознания, такими как эмоциональность, образность, хаотичность, обрывочность, субъективность, практичность, не критичность, синкретизм, стихийность, внутренняя противоречивость, персонализация, героизация исторических личностей, слабая чувствительность к реальному историческому времени.

Для фактов обыденного сознания характерна несистемность, фрагментарность, эпизодичность, несоблюдение законов логического мышления. Главными отличиями научного исторического сознания от обыденного являются, во-первых, его направленность на обнаружение объективных законов действительности; во-вторых, использование полученных данных для прогнозирования будущего.

Респондентам был задан вопрос о любимых художественных произведениях (книги, фильмы, сериалы, подкасты) на историческую тематику. Наиболее популярными ответами (всего 25 вариантов ответа) стали «А зори здесь тихие», «28 панфиловцев», «Судьба человека» у курсантов ОАБИИ, у студентов 19 вариантов ответа, наиболее упоминаемые: «А зори здесь тихие», «Война и мир», «17 мгновений весны».

Респондентами были названы 330 любимых фильмов и сериалов, самые популярные ответы: «Т-34» (35%), «Девятая рота» (26%), «Лучшие в аду» (14% раз). Фильмы и сериалы, посвященные Великой Отечественной войне, упомянули 24 респондента (среди названных: «28 панфиловцев», «Офицеры», «В бой идут одни старики», «В августе 44-го», «Нюрнберг», «Жаворонок», «А зори здесь тихие», «Сталинград», «Подольские курсанты», «Переводчик»).

Согласно проведенному опросу, 84% курсантов ОАБИИ гордятся старшим поколением, 75% курсантов ОАБИИ заинтересованно/уважительно относятся к опыту старшего поколения, 37,5% хотели бы учиться у старших любить страну и служить ее благу, 15,6% респондентов завидуют опыту старших, 12,5% полагают, что поколение молодых слепо отказалось от опыта старших, отчего многого славного не совершит. Студенты гражданского вуза более скромны в оценках опыта старшего поколения, и, хотя большинство гордится (70%), тем не менее, 30% ответило, что не восторгается опытом старшего поколения, 20% разочаровано в нем, 5% респондентов и вовсе не принимают опыта старших поколений и не хотят им восторгаться.

Семья как источник знаний об истории России остается важным фактором исторического сознания молодежи, к примеру, 62,5% респондентов ОАБИИ и 60% опрошенных студентов в качестве основного источника указали «семейные архивы». Выше в долевого отношении находятся официальные учебники истории (81,25% ОАБИИ, 85% ОмГУ, 78% ОмГУПС) и Интернет (62% ОАБИИ и 75% ОмГУ, 70% ОмГУПС).

Наиболее частотно упоминаемые этапы истории Отечества в рамках проведения неструктурированных интервью – Великая Отечественная война (56%) и специальная военная операция (35%). Интервью, посвященные Великой Отечественной, на 14% подтверждены копиями документов информационных порталов «Память народа» и др.; из газет 1%; 5% из семейных архивов, включая «Книги семьи», дневниковые записи, генеалогическое древо, 24% со слов родителей (дедушка, бабушка, мама); 14% без указания источника. На втором месте по частотности упоминания находится Специальная военная операция, 21% курсант написал о собственном вкладе, 9% – о вкладе близких родственников.

Формы семейной коммеморации зачастую имеют травматический нарратив. Выделим несколько основных видов травмирующих событий. Во-первых, добровольные или вынужденные переселения. Респонденты 8 (19 лет) и 15 (22 года) повествуют о жизни переселенцев из германских княжеств, переехавших в Российскую империю при Екатерине II. Всей семьей с восемью детьми пришлось жить в Спасо-Преображенском монастыре Саратова, вскоре от голода скончалось двое из них.

Респонденты 7 (19 лет), 21 (22 года) указали на то, что их родственники были осуждены по статье 58 УК РСФСР и репрессированы в 1930-е годы, в том числе приговорены к высшей мере наказания.

Во время Великой Отечественной войны семью немцев Поволжья отправили в трудовые лагеря, так как «немцев на фронт не брали». Во время Великой Отечественной войны родственники респондента 8 также были переселены в Сибирь с конфискацией имущества, но прадед ушел на фронт добровольцем, служил в разведке, встретил Победу в Австрии, награжден медалью «За отвагу», орденом Красной Звезды, в послевоенное время был ударником труда, но в партию не попал.

Респондент 13 (22 года) указал, что его прапрадед в годы Первой мировой войны служил штабным писарем, был покалечен, остался инвалидом. По окончании войны с началом революционных событий семья приняла решение об эмиграции в Канаду, но во время оформления документов в скандинавско-американской лиге в Ривном невнимательный администратор допустил ошибку в фамилии, записав ее на украинский манер, что и помешало уехать в Канаду.

В годы в Великой Отечественной войны судьба членов семьи сложилась по-разному: прапрадед, потеряв жену, стал активистом антифашистского подполья, помогал советским солдатам, попавшим в плен, и еврейским семьям, переправляя их в безопасные места, в то время как его сын служил в ОУН УПА (запрещенная в РФ организация) и в 1947 году был осужден и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

Прапрадед также был осужден по статье 58 УК РСФСР за религиозную пропаганду и приговорен к 25 годам лишения свободы, из которых отбыл лишь 8 (срок был сокращен в хрущевское время). Респондент указывает, что родственники по материнской линии также были осуждены и переселены в Сибирь, при этом скончалась 8 из 11 детей. При такой трагичной семейной истории можно было бы предположить, что в семье воспитывалась ненависть к советской власти, совето- и русофобия. Тем не ме-

нее это не соответствует действительности: респондент является участником Специальной военной операции, кавалером ордена Мужества, отличается патриотизмом и твердой гражданской позицией.

Повествуя о родственниках – участниках Великой Отечественной войны, респонденты 4 (19 лет) и 19 (18 лет) отмечают не только боевой путь (используя известные базы данных и портал «Память народа»), но, со слов бабушек, документов, сохраненных в семейных архивах, говорят о плене («после жестоких пыток его распяли на кресте внутри блиндажа, исколов его тело штыками. За невыданную информацию награжден орденом Ленина и Отечественной войны» (респондент 19)) и «в концентрационном лагере» (респондент 4). Прадед респондента 4 дважды бежал из концлагеря, до родного дома в Белоруссии он добирался пешком через Польшу, а, когда пришел в родное село Полесское, «его мама не хотела в дом пускать, так он был не похож на себя». Потом он ушел в партизаны, воевал в 25-м отряде 125-й Копаткевической партизанской бригады. Респондент указывает: «У нас дома хранятся его награды, а на стене моей комнаты висит портрет молодого командира Красной армии в буденовке, это портрет деда Трофима».

Следует отметить, что более детальные рассказы о биографии предков, особенно в периоды войн и потрясений, отмечаются у респондентов – участников Специальной военной операции. Многие из них останавливаются на собственном вкладе в историю Отечества: противостоянии национальному батальону Азов (запрещенная в РФ организация), освобождении гг. Мариуполь, Попасная и др.

Приведем примеры: «Мы взяли в плен авианаводчика <...> Поступил приказ проверить пленных на татуировки, с фашистскими и нацистскими крестами, тех, у кого были на все лицо и тело, отправили в ФСБ на допрос. Прошел месяц, находились в Мариуполе. Ехал на танке Т-72, ночью взорвался на mine, потерял сознание, очутился в БМП, которая ехала на передовую линию в АзовСталь. Нас окружили ВСУ, мы начали прорывать оборону где-то 3 недели <...> получил осколочное ранение в ногу и две контузии, и осталось нас в части из 190 человек только 3 военнослужащих, я, и майор, и наводчик танка. Майора уволили по здоровью <...> у меня всю семью мобилизовали, я хотел обратно на войну, но судьба решила по-другому» (респондент 18, 23 года). «В зоне СВО я был механиком-водителем МТЛБ, моя задача заключалась в вывозе раненых с поля боя, выводе местного населения из зоны боевых действий. 8 мая 2022 г. г. Попасная был полностью освобожден от сил противника и мое подразделение зачищало близлежащие деревни. 16 августа я со своим подразделением был переведен в Донецкую Народную Республику на направление поселок Новомихайловка. <...> 7 декабря ночью я получил осколочное ранение правой кисти, и мой боевой путь был окончен <...> В заключение я хотел бы сказать, что не считаю свой вклад в страну каким-то большим и великим. Я, так же как и любой солдат нашей страны, выполнял воинский долг», – респондент 20 (23 года).

«По своему опыту скажу: только в фильмах война – это романтично, красиво и возвышенно. На самом деле это боль, грязь, пот, кислый запах пороха и тяжелый въедливый запах крови. И не имея перед собой высшей цели и удачи – невозможно пройти, выжить, преодолеть и одержать победу», – респондент 11 (25 лет), участник Специальной военной операции Вооруженных Сил Российской Федерации против вооруженных формирований международных террористических организаций в Сирийской Арабской Республике, Специальной военной операции РФ по демилитаризации и денацификации Украины.

Заключение / Conclusion

Анализ полученных данных дает основание для формирования ряда наиболее существенных выводов, характеризующих историческую память обучающихся в контексте поколенческих особенностей.

Студенты и курсанты отличаются достаточно высоким интересом к мировой и особенно к отечественной истории. Историческое прошлое является объектом для чувства единства, самоидентификации и гражданственности. При этом заметно выше оказывается заинтересованность в исторических знаниях у курсантов – участников Специальной военной операции, которые опираются на опыт, заявляют о собственном участии в истории страны, а также активно используют современные информационные технологии для выявления генеалогических данных, особенно касающихся воевавших предков.

Главными источниками исторических сведений для обучающейся молодежи выступают исторические художественные и документальные фильмы, телесериалы, семейные архивы, а также Интернет.

Анализ оценки ключевых событий российской истории свидетельствует: переломным событием, определившим ход отечественной истории советского периода, является в сознании курсантов Великая Отечественная война и одержанная в ней героическая победа нашего народа. Среди же событий современной истории, оказавших значительное влияние на историческое развитие страны, обучающаяся молодежь называет прежде всего Специальную военную операцию.

Фокус символического пространства национального самосознания обучающихся – это официальные символы страны (герб, гимн, флаг) и «Центр» страны (Москва-столица, Кремль, Красная площадь). Стоит обратить внимание, что в современной истории в фокусе внимания появляются достижения и герои сегодняшнего дня (особенно это проявляется в суждениях и оценках курсантов в сравнении со студентами гражданских вузов, придерживающихся умеренно-либеральных оценок как исторического прошлого, так и настоящего).

Ориентация курсантов на поиск достоверного исторического знания касается в первую очередь прошлого собственной семьи. Хорошее знание семейной истории, информированность об участии родных в знаковых исторических событиях питают чувство гордости за историю страны, а отсутствие семейной памяти о прошлом делает восприятие истории страны более критичным. В семейном опыте значительного числа обучающихся пересекаются противоречивые оценки одних и тех же исторических периодов, что, однако, не делает их критичными в отношении прошлого страны, а наоборот, мотивирует к попыткам понять прошлое, примириться с ним, не акцентировать внимание на травмирующих событиях национальной истории. Гражданская идентичность обучающейся молодежи ассоциируется с такими признаками, как язык, историческое прошлое, культура, ответственность за судьбу страны, традиции или обычаи.

В качестве рекомендации мы предлагаем создание в образовательных учреждениях банков данных интервью обучающихся, посвященных роли и вкладу их семьи в исторический процесс, восприятию своей собственной роли в истории, идентификации себя с историческим прошлым. Формирование архива устной и визуальной семейной истории, на наш взгляд, сможет помочь успешно решить проблему противопоставления семейных традиционных духовно-нравственных ценностей информационным агрессивным потокам, искажающим смысловую и оценочную часть исторической памяти.

Ссылки на источники / References

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
3. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.
4. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27.02.2023 № 208 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» (зарегистрирован 31.03.2023 № 72833). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304030029>
5. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 1124. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580>
6. Социальные рамки памяти. Морис Хальбвакс / [пер. с фр. и вступ. ст. Сергей Н. Зенкин]. – М.: Новое изд-во, 2007. – 346 с.
7. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2/3 (40/41). – С. 8–27.
8. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 19.
9. Последняя утопия. Права человека в истории / С. Мойн; пер. с англ. А. Захарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 430 с.
10. Langenbacher E., Shain Y. Power and the past: Collective Memory and International Relations. – Washington, DC: Georgetown University Press, 2010. – 240 p.
11. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 73.
12. Rigney A. Remembering hope: Transnational Activism Beyond the Traumatic // Memory Studies. – 2018. – 11. – No. 3. – P. 80.
13. Traverso E. Left-Wing Melancholia. Marxism, History, and Memory. – N. Y.: Columbia University Press, 2016. – С. 5–11.
14. Хирш М. Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста / пер. с англ. Н. Эппле. – М.: Новое изд-во, 2021. – 425 с.
15. Ranger J., Ranger W. Towards a resonant theory of memory politics // Memory Studies. – 2023. – Vol. 16 (2). – P. 462.
16. Obradović S., Vincze O., Sammut G. Social psychology of context and in context: Understanding the temporal, spatial and embodied dimensions of contemporary geopolitics // British Journal of Social Psychology. – 2025. – 10. – P. 128.
17. Honcharenko N. Transformation of the Historical Narratives of the Second World War and the Decommunisation of Memory Policy in Ukraine // Australian Journal of Politics & History. – Wiley Online Library. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ajph.13040>
18. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 2 т. Т. 2. – М.: Госюриздат, 1954. – 1156 с.
19. Hill F., Stent A. The World Putin Wants: How Distortions About the Past Feed Delusions About the Future // Foreign Affairs. – 2022. – Vol. 101. – No. 5. – P. 111.
20. Фальсификации истории: войны памяти – битвы за прошлое: аналитический доклад ТАСС / Исследовательская компания «Квибрум», Институт наследия и современного общества РГГУ. – С. 47. – URL: https://history-russia.org/images/Voiny_pamiaty_01122023_TASS.pdf
21. Батищев Р. Ю. Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы // Tempus et Memoria. – 2021. – Т. 2. – № 1. – С. 34–42.
22. Фальсификация истории – и как с ней бороться? // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzory-falsifikatsiya-istorii-i-kak-s-nej-borotsja>
23. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / под ред. М. К. Горшкова. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – С. 21.
24. Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. – М.: Издательство РАН, 2018. – С. 285.
25. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография. – М., 2022. – С. 70.

26. Иванов А. Г. Каналы памяти об СССР для «поколения X»: от постсоветских медиаинтерпретаций до семейного опыта // *Tempus et Memoria*. – 2024. – Т. 5. – № 1. – С. 77.
 27. Овчинников А. В., Ибрагимова А. А. Историческая память – фактор семейной и государственной социализации (на примере поколений «местных» и «пришлых» г. Казани) // *Tempus et Memoria*. – 2024. – Т. 5. – № 1. – С. 92.
 28. Три года СВО: «война миров»: аналитический доклад (февраль 2025 г.). – М.: ВЦИОМ, 2025. – С. 6–7.
 29. Национальный центр исторической памяти при Президенте РФ. – URL: <https://russciap.ru/>
 30. Путин поручил изучить вопрос о создании цифрового архива историй участников СВО. – URL: Российская газета <https://rg.ru/2025/03/11/putin-poruchil-izuchit-vopros-o-sozdanii-cifrovogo-arhiva-istorij-uchastnikov-svo.html>
 31. Перечень поручений по итогам заседания Российского организационного комитета «Победа». – URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/76440>
-
1. “Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii (UK RF) ot 13.06.1996 № 63-FZ (poslednyaya redakciya)” [The Criminal Code of the Russian Federation (CC RF) dated 13.06.1996 No. 63-FL (latest edition)], *Konsul'tantPlyus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (in Russian).
 2. “Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020)” [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020)], *Konsul'tantPlyus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (in Russian).
 3. (2022). “Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej: ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 9 noyabrya 2022 g. № 809” [On the approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022], *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*, № 46, st. 7977 (in Russian).
 4. *Prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii ot 27.02.2023 № 208 “O vnesenii izmenenij v federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty vysshego obrazovaniya” (zaregistrovan 31.03.2023 № 72833)* [Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated 02/27/2023 No. 208 “On Amendments to the Federal State Educational Standards of Higher Education” (registered 03/31/2023 No. 72833)]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304030029> (in Russian).
 5. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28.12.2024 g. № 1124 [Decree of the President of the Russian Federation dated December 28, 2024 No. 1124]*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (in Russian).
 6. (2007). *Social'nye ramki pamyati. Moris Hal'bvaks* [The social framework of memory. Maurice Halbwachs], Novoe izd-vo, Moscow, 346 p. (in Russian).
 7. Hal'bvaks, M. (2005). “Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat” [Collective and historical memory], *Neprikosnovennyj zapas*, № 2/3 (40/41), pp. 8–27 (in Russian).
 8. Nora, P. (1999). “Problematika mest pamyati” [The problem of places of memory], *Franciya-pamyat'*, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, St. Petersburg, p. 19 (in Russian).
 9. Mojn, S. (2024). *Poslednyaya utopiya. Prava cheloveka v istorii* [The Last Utopia. Human Rights in History], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 430 p. (in Russian).
 10. Langenbacher, E., & Shain, Y. (2010). *Power and the past: Collective Memory and International Relations*, Georgetown University Press, Washington, DC, 240 p. (in English).
 11. Assman, A. (2023). *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, p. 73 (in Russian).
 12. Rigney, A. (2018). “Remembering hope: Transnational Activism Beyond the Traumatic”, *Memory Studies*, 11, no. 3, p. 80 (in English).
 13. Traverso, E. (2016). *Left-Wing Melancholia. Marxism, History, and Memory*, Columbia University Press, New York, pp. 5–11 (in English).
 14. Hirsh, M. (2021). *Pokolenie postpamyati: pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Holokosta* [The Postmemory Generation: Writing and Visual Culture after the Holocaust], Novoe izd-vo, Moscow, 425 p. (in Russian).
 15. Ranger, J., & Ranger, W. (2023). “Towards a resonant theory of memory politics”, *Memory Studies*, vol. 16 (2), p. 462 (in English).
 16. Obradović, S., Vincze, O., & Sammut, G. (2025). “Social psychology of context and in context: Understanding the temporal, spatial and embodied dimensions of contemporary geopolitics”, *British Journal of Social Psychology*, 10, p. 128 (in English).
 17. Honcharenko, N. “Transformation of the Historical Narratives of the Second World War and the Decommunisation of Memory Policy in Ukraine”, *Australian Journal of Politics & History*, Wiley Online Library. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ajph.13040> (in English).

18. (1954). *Nyurnbergskij process: sb. materialov: v 2 t. T. 2 [Nuremberg Trials: Collection of Materials: in 2 volumes. Volume 2]*, Gosyurizdat, Moscow, 1156 p. (in Russian).
19. Hill, F., & Stent A. (2022). "The World Putin Wants: How Distortions About the Past Feed Delusions About the Future", *Foreign Affairs*, vol. 101, no. 5, p. 111 (in English).
20. *Fal'sifikacii istorii: vojny pamyati – bitvy za proshloe: analiticheskij doklad TASS [Falsifications of history: wars of memory – battles for the past: TASS analytical report]*, Issledovatel'skaya kompaniya "Kvibrum", Institut naslediya i sovremennogo obshchestva RGGU, p. 47. Available at: https://historyrussia.org/images/Voiny_pamiat_01122023_TASS.pdf (in Russian).
21. Batishchev, R. Yu. (2021). "Pamyat' o voynah i "vojny pamyati" v sovremennyh memory studies: osnovnye podhody k izucheniyu i klyuchevye aktory" [Memory of wars and "wars of memory" in modern memory studies: main approaches to study and key actors], *Tempus et Memoria*, t. 2, № 1, pp. 34–42 (in Russian).
22. "Fal'sifikaciya istorii – i kak s nej borot'sya?" [Falsification of history – and how to fight it?], *VCIOM*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/falsifikaciya-istorii-i-kak-s-nei-borotsja> (in Russian).
23. Gorshkov, M. K. (ed.) (2022). *Istoricheskoe soznanie rossiyan: ocenki proshlogo, pamyat', simvoly (opyt sociologicheskogo izmereniya)* [Historical awareness of Russians: assessments of the past, memory, symbols (experience of sociological measurement)], FNIS RAN, Moscow, p. 21 (in Russian).
24. Tishkov, V. A., & Pivneva, E. A. (eds.) (2018). *Istoricheskaya pamyat' i rossijskaya identichnost' [Historical Memory and Russian Identity]*, Izdatel'stvo RAN, Moscow, p. 285 (in Russian).
25. Zubok, Yu. A., & Chuprov, V. I. (2022). *Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoregulyaciya zhiznedeyatel'nosti [Youth in the cultural space: self-regulation of life activity]: monografiya*, Moscow, p. 70 (in Russian).
26. Ivanov, A. G. (2024). "Kanal'y pamyati ob SSSR dlya "pokoleniya X": ot postsovetских mediainterpretacij do semejnogo opyta" [Channels of Memory about the USSR for Generation X: from Post-Soviet Media Interpretations to Family Experience], *Tempus et Memoria*, t. 5, № 1, p. 77 (in Russian).
27. Ovchinnikov, A. V., & Ibragimova, A. A. (2024). "Istoricheskaya pamyat' – faktor semejnoj i gosudarstvennoj socializacii (na primere pokolenij "mestnyh" i "prishlyh" g. Kazani)" [Historical memory – a factor of family and state socialization (the study of generations of "locals" and "newcomers" in Kazan)], *Tempus et Memoria*, t. 5, № 1, p. 92 (in Russian).
28. (2025). *Tri goda SVO: "vojna mirov": analiticheskij doklad (fevral' 2025 g.) Three Years of the SMO: "War of the Worlds": Analytical Report (February 2025)*, VCIOM, Moscow, pp. 6–7 (in Russian).
29. *Nacional'nyj centr istoricheskoy pamyati pri Prezidente RF [National Center of Historical Memory under the President of the Russian Federation]*. Available at: <https://russiacip.ru/> (in Russian).
30. *Putin poruchil izuchit' vopros o sozdanii cifrovogo arhiva istorij uchastnikov SVO [Putin orders study on creation of digital archive of SMO participants' stories]*. Available at: Rossijskaya gazeta <https://rg.ru/2025/03/11/putin-poruchil-izuchit-vopros-o-sozdanii-cifrovogo-arhiva-istorij-uchastnikov-svo.html> (in Russian).
31. *Perechen' poruchenij po itogam zasedaniya Rossijskogo organizacionnogo komiteta "Pobeda" [List of instructions following the meeting of the Russian Organizing Committee "Pobeda"]*. Available at: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/76440> (in Russian).